

Забияко А.А.

Религиозный радикализм и художественные идеи национальной революции (опыт русского Харбина)

Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РНФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

А.А. Забияко

Аннотация. Данная работа продолжает публикацию материалов, посвящённых проявлению в социокультурной и общественно-политической жизни русского Харбина радикальных религиозных настроений. Эти настроения определили значительную часть фронтальной ментальности русских дальневосточных эмигрантов, трансформировались в явления религиозно-художественного радикализма. В этом отношении весьма показательна история наиболее радикального религиозно-политического движения в русском зарубежье – русского фашизма. Одной из ведущих идей этого движения в Харбине становится идея «национальной революции». Она нашла отражение не только в профашистской публицистике, прокламациях, акциях, но и творчестве харбинских писателей: Арсения Несмелова, Николая Байкова и др.

Ключевые слова: религиозно-художественный радикализм, национализм, антисемитизм, «национальная революция», масоны, ментальность дальневосточного фронта, русский фашизм, русский патриотизм

Религиозный радикализм в русской общественно-политической и художественной жизни, как известно, не прекратил своё существование после Октябрьской революции – напротив, некоторые его проявления приняли наиболее острые формы в эмигрантской среде¹. Протофашистские настроения, вскормленные радикальными национальными и религиозными посылами черносотенцев, зародили в эмиграции движение русских фашистов. Особенно пышным цветом русский фашизм расцвёл не в европейской эмиграции, а в Китае, в Северной Маньчжурии. Там же появились и разнообразные произведения художников-радикалов, морально-этическая и эстетическая неоднозначность толкования которых и становится сегодня объектом исследования.

Почему фашистские группировки возникают в середине 20-х гг. в Харбине практически в одно время с возникновением фашизма в Европе? В Харбине было больше военизированных эмигрантских организаций, чем в любом другом городе Дальнего Востока, «и их присутствие создавало там горячечную атмосферу, что отличало этот город от Шанхая и Тяньцзиня. Многим харбинцам освобождение России от большевизма представлялось близкой реальностью; детей, родившихся после революции ил вывезенных из России в младенческом возрасте, учили, что нужно готовиться к освободительной войне»². Активными пропагандистами фашистских идей стали белые генералы В.Д. Косьмин и В.В. Рычков, а также бывший министр Приморского правительства братьев Меркуловых В.Ф. Иванов³.

Особенно много сторонников фашистской идеологии было среди студентов Юридического факультета, где была создана Российская фашистская организация (РФО). Это и не удивительно – фашистские идеи распространялись с высоты

университетских кафедр профессорами Н.Н. Никифоровым и Г.К. Гинсом, блестяще образованными людьми (Н.Н. Никифоров закончил университет св. Владимира в Киеве, был специалистом по русскому праву; Г.К. Гинс – выпускник Санкт-Петербургского университета, специалист по римскому праву). Прекрасные ораторы, они нашли себе духовных учеников в лице студентов А.Н. Покровского, Е.В. Короблева, Б.С. Румянцева, К.В. Родзаевского и др. Это было «новое поколение русских. Взгляды этих молодых людей сильно отличались от взглядов их родителей. <...>

Ненавидя большевизм, эти юные эмигранты, тем не менее, были лишены свойственной старшим ностальгической привязанности к дореволюционным формам жизни. Они уважали монархию, но не желали иметь дела с монархистами, считая их пережившими своё время реликтами. Он восхищались некоторыми аспектами социалистических учений, но презирали социалистов-эмигрантов, полагая, что те погрязли в теоретических спорах. Они жаждали действия. Они озирались вокруг в поисках чего-то динамичного, какого-то реального противоядия большевизму»⁴.

Так в стенах Юридического факультета фашизм обретает романтическую ауру. ореол героя в глазах русских мальчиков-националистов окружает образ Бенито Муссолини, который «был полон энергии, привлекательности и воодушевления... Фашистская молодёжь переделает мир, она сметёт капитализм и коммунизм этих близнецов, рождённых гнилой западной цивилизацией...»

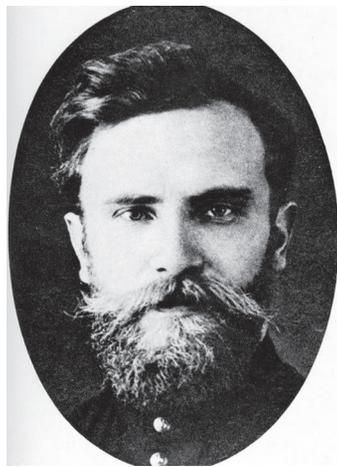
Молодые русские эмигранты-патриоты были восприимчивы к подобной демагогии; им казалось, что итальянская нация обрела новую цель существования. Они жаждали солидарности – и поэтому с энтузиазмом восприняли фашизм, отрицавший классовые конфликты и призывавший к подъёму национального духа. Оскорблённые нацистской теорией расовой исключительности, они приветствовали доктрину, которая, как казалось в 20-е гг., имела универсальный характер и не унижала славянские народы. Убеждённые, что советское коммунистическое правление само при Сталине приобретает черты коммуно-фашизма, они чувствовали настоятельную необходимость, пока не поздно, воплотить в жизнь итальянскую модель»⁵.

В 1926 г. и 1927 г. РФО обнародовала программные документы «Наши требования» и «Тезисы русского фашизма». Поначалу руководил молодыми людьми А.Н. Покровский – супруг М. Колосовой. А в 1927 г. стремительно и азартно в работу РФО включается Константин Родзаевский, перебежавший через Амур в Сахалин из Благовещенска и оказавшийся в Харбине.

К. Родзаевский – прекрасно образованный, способный к словесным эскападам, талантливый пропагандист, к тому же обладающий должным зарядом экзальтации в сочетании с авантюризмом – смог увлечь молодёжь за собой. Постепенно в среде фашиствующей молодёжи происходит раскол, и К. Родзаевский занимает место А. Покровского.

Илл. 1. Родзаевский К.В.
Русский путь

Илл. 2. Константин Родзаевский
(1907–1946)

Религия и культура

«Бог, Нация, Труд!» – таков был девиз русского фашизма. «Азбукой русского фашизма» стали три «А»: «антикоммунизм, антисоветизм и антисемитизм». Религиозные идеи русских фашистов в Харбине были неразрывно связаны с антисемитизмом, «одним из важнейших “исконных” элементов программы РФП <...>. Родзаевский ревностно проповедовал черносотенную теорию “жидомасонства” <...> Из антисемитского издания Юлиуса Штрайхера “Der Sturmer“ перепечатывались карикатуры, изображавшие кремлёвских лидеров с подчеркнuto еврейскими чертами лица. Особого внимания были удостоены еврей-коммунисты Троцкий (Берштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Каганович и Радек. ОГПУ называли “сионистским гнездом”. О Ленине говорили как о “полуеврее”. Даже Сталин, которого трудно было заподозрить в юдофильстве, был назван “наложницей американских капиталистов и евреев”»⁶. Яростное желание борьбы с «еврейством и масонством» воплощались в так называемых «разоблачениях»⁷.

Социокультурные условия процветания антисемитизма были определены самой идеей возникновения «Харбина-папы», города, освободившего евреев от вериг черты оседлости, давшего им множество возможностей для развития и процветания. Еврейская община сложилась в Харбине ещё до революции и на фоне беженской нищеты являла образ сытости и благополучия. Особенно остро это стало заметно после 1920-х гг.: «Хотя в харбинской колонии было несколько богатых семей и выделялся небольшой средний класс, основная часть эмигрантов жила в стеснённых условиях. А тысячи самых неудачливых, которые приехали из Сибири без имущества и связей, оказались в крайней нищете. ... Более половины взрослых русских мужчин были безработными. Женщины, чтобы кормить семью, соглашались на самую чёрную работу. Дети беженцев учились просить милостыню на самых разных языках. ...

Эмигрантам, доведённым нищетой до отчаяния, не нужно было долго искать козлов отпущения.

“Поглядите на богатых евреев! У них и магазины, и банки, и отели. Они жируют на наш счёт, а русские дети нищенствуют и торгуют собой на улицах!”

“Поглядите на красных! Они убили нашего Государя. Они осквернили наши святыни. Они лишили нас отечества. Теперь они и в эмиграции не дают нам жить!”⁸.

В рукописи романа Н. Щеголева эти антисемитские настроения проявлены весьма откровенно. Герой романа – русский, из небедной семьи служащего КВЖД⁹, – чтобы заработать карманные деньги, устраивается гувернёром к евреям Дрейфусам: «Юноша с честолюбием, уже известный в Харбине как поэт, и вдруг – опять вроде няньки в богатой еврейской семье. Опять чопорная госпожа Дрейфус, пышная блондинка, будет из-за <sic> комнаты проверять, добросовестно ли он занимается с Рудиком, пухлым нагловатым мальчонкой, который сначала счёл Виталия чем-то вроде китайца-боя и даже попытался пнуть ногой.

За 30 долларов Вит<алий> должен был часа на два приходить к Дрейфусам и обучать Рудика разговорному английскому языку.

“Желательно ни слова по-русски“, – условилась госпожа Дрейфус, муж которой возглавлял экспортно-импортную фирму по пушнине и бобам.

Но Рудя ни за что не хотел говорить по-английски, и Виталию волей-неволей приходилось, чтобы уговорить мальчишку, переходить на русский язык.

И тут-то он нередко слышал из соседней комнаты негожий голосок госпожи Дрейфус: “Рудик, говори по-английски!”

Вит<алий> понимал, что это упрёк ему как гувернёру: он не умеет заставить мальчонку говорить по-английски.

Эту работу Вит<алий> воспринимал как насилие жизни над собой. Особенной пыткой были обеды, лёгкие, вкусные, питательные, в обществе хозяйки (муж её был в отъезде) и Рудика. Даже та чашка <1 слово нрзб> с лакомой икрой как будто горчила».

«С тоскливой злобой ходит Виталий на эту работу, хотя все считали работу выгодной: 30 долларов за 2 часа 6 дней и мой обед – это был приличный, в те времена заработок.

Приличный прожиточный минимум составлял около 70 дол<ларов>.

Соня Столяр, рекомендовавшая Вит<алия> на эту работу, говорила, что он должен постараться, и Дрейфусы найдут ему ещё уроки, столь же выгодные; у них, у Дрейфусов, колоссальные связи»¹⁰.

Соня Столяр – фигура не случайная, имеющая реального прототипа (Н. Резникову): «девушка лет на пять старше Виталия, близящаяся к возрасту старой девы и слывшая в Харбине богатой невестой... Еврейка и не очень красивая. Это ж с лужи не воду пить! Зато есть деньги»¹¹, – так в форме несобственно-прямой речи воссоздано мнение родителей автобиографического персонажа. Соня – племянница владельца «Журнала для всех»¹², и общение с нею и её семьёй продиктовано для русского поэта Виталия корыстными соображениями:

«С каждым её словом в нём подымалась безотчётная ненависть. Всё в ней его раздражало – и толстые губы, напоминавшие какой-то красный цветок, и большой орлиный нос, и маленькое тельце: “я буду карманная ноша”, – порой шутила она, и журчащий женств<енный> голос. От ненависти даже ощущалась некая непонятная слабость под коленками... “Всё в ней фальшивое, не моё, чужое, тёмное”, – думал он, а она-то кокетливо позировала на тахте, будя его наинизменнейшие чувства»¹³. Роман писался на протяжении двух десятков лет, эти рукописные листы датированы 1957 г. – следовательно, в сознании уже постаревшего писателя всё ещё живы были его антисемитские настроения двадцатипятилетней давности.

Но одно дело – бытовой антисемитизм, совсем другое – погромные акции. В них Н. Щеголев не участвовал, хотя и печатался в фашистском издании «Наш путь». Но в 30-е гг. харбинские «чернорубашечники» перешли от слов к делу. Страшные события 30-х гг., связанные с преследованием евреев в Харбине, были инспирированы партией Родзаевского и поддержаны японцами: фашисты громили еврейские магазины, били окна в синагоге, устраивали засады на студентов-евреев. Дело Семена Каспэ (1933 г.) – самый ужасающий пример этих антисемитских акций. Несчастного юношу-музыканта, сына владельца гостиницы «Модерн» (гражданина Франции), продержали в плену три месяца, требуя невозможного с точки зрения отца выкупа, а потом зверски убили¹⁴. Подобные истории можно долго продолжать. Черносотенный, погромный характер РФП и сама личность К. Родзаевского отталкивал большинство харбинской интеллигенции, несмотря на их националистическую настроенность. Претил им и откровенно прояпонский характер РФП – в этом кроется, в частности, конфликт с РФП М. Колосовой¹⁵.

С 1932 г. в шанхайской штаб-квартире фашистов в свет стал выходить партийный теоретический журнал «Нация», предлагающий «дурманящую смесь полемики, псевдонауки и поэзии»¹⁶; этот журнал предназначался «интеллигенции». Затем в Харбине стал выходить «орган для широких масс» – «Наш путь». Газета, выпускавшаяся тиражом 4000 экз., была украшена эмблемой со свастикой, увенчанной двуглавым орлом, на видном месте красовались лозунги РФП: «Бог, Нация, Труд!», «Все силы Национальной революции!», «Россия для россиян!». Фашисты щедро оплачивали публикации.

Илл. 3. Фашистский журнал «Нация»

«Союз Фашистских Крошек» – русская эмигрантская воспитательная организация для детей от 3 до 10 лет, входящая в состав «Всероссийской фашистской партии».

Илл. 4. Фашистский однодневник для детей

Выпуск газеты «Наш путь» от 7 ноября 1935 г.

Илл. 5. Газета «Наш путь» с антиеврейскими карикатурами

Почему всё же русский фашизм нашёл своих апологетов в писательской и журналистской среде Харбина? Георгий Гранин, Николай Щеголев, Лев Гроссе, Арсений Несмелов, Яков Лович, Борис Юльский, Николай Байков – далеко не все имена тех, кто в той или иной мере сотрудничал с родзаевцами. Причины обращения к фашизму у всех были разные. Кто-то, например, как Георгий Гранин, искал в brutальной идеологии и даже – в эффектной униформе избавления от собственных комплексов (социальной и культурной ущербности, феминности психики)¹⁷. Кому-то, как Борису Юльскому, нужны были деньги. По этой самой причине тот подтасовал в 1932 г. факты о евреях и опубликовал материал в «Нашем пути»¹⁸. В 1938 г. в анонимном докладе на Юльского писалось, что, такие люди, как он, «используют Ф.П. как дойную корову, не испытывая при этом истинных убеждений»¹⁹.

Деньги, очевидно, играли немаловажную роль в альянсе с фашистами многих – практически все писатели нуждались, особенно после 1932 г., когда было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го и русских стали отовсюду вытеснять. А у родзаевцев Несмелов смог получить работу лектора-пропагандиста²⁰. Однако вряд ли одними материальными соображениями можно объяснить его участие в деятельности РФП. В своём личном деле в БРЭМ он, не стесняясь, однозначно указывает свои политические убеждения: «Фашист»²¹. И хотя тексты в журнале «Нация» публикует в основном под псевдонимом «Н. Дозоров», в переписке с П. Балакшиным упорно добивается от американского издателя оценки произведений этого «своего знакомого»²².

Нет необходимости изучать детально «художественно-радикальные» истории всех харбинских писателей. В историю литературы они, как правило, войдут как фон, как иллюстрация религиозно-политической тенденциозности в творчестве. Однако как материал для реконструкции истории ментальности русских маргиналов на территории дальневосточного фронта некоторые тексты представляют несомненный интерес. Особенной активности фашистские публикации харбинских писателей достигают в 1935–1938 гг. Тому есть исторические причины – как внутри маньчжурской жизни, так и вовне.

В 1935 г. Родзаевский в выступлении, посвящённом четвёртой годовщине РФП (которая в 1934 г. была переименована в ВФП), предвещает Национальную Революцию в СССР. Для этого он определяет план, состоящий из 5 пунктов: 1) усиление фашистской пропаганды; 2) объединение всех русских эмигрантов Маньчжоу-го под эгидой ВФП; 3) тесное сотрудничество с Германией и Италией; 4) упрочение связей с Японией; 5) проникновение в Советский Союз и установление контакта с «антисталинскими элементами»²³.

А в 1936 г. начинаются фашистские диверсионные акции на территории СССР. 7 ноября полдюжины бойцов ВФП пробираются через границу в Забайкалье, доходят до Читы и прямо на демонстрации начинают распространять листовки, изобличающие преступления Сталина. Потом они благополучно возвращаются в Маньчжоу-го. Родзаевский ликует: он сорвал «крестный ход» у коммунистов. Активизация фашистских группировок на границе совпала с усложнением общей политической ситуации в СССР. 1935–1937 гг. прошли под знаком преобразований в Коминтерне. Всё активнее звучат призывы к созданию V Интернационала.

Случайно или нет, но на 1936–1937 гг. приходится и пик «фашистской» поэзии Несмелова (в основном, написанной под псевдонимом «Николай Дозоров»).

В 1936 г. выходит фашистская поэма Н. Дозорова «Георгий Семена»²⁴ со свастикой на обложке, местом издания обозначен Берн (как мы поймём далее, неслучайно).

Сюжет поэмы – суд над фашистом Георгием Семена. Образ Георгия определённо напоминает черты русских страсготерпцев:

– Имя? – «Георгий». (За датой – дата:
Образование... там, тогда-то.)
Тянется, вьётся допроса нить,
Вьётся и крепнет, чтоб *саван шить*,
Впрочем, без савана: есть река, –
В прорубь, нагого, с грузовика.

Парень спокоен. В ответах точен.
Только задумчив, как будто, очень,
Будто душою уже не здесь;
Что-то святое в улыбке есть,
Что-то такое, что этот взгляд
Сам председатель встретить не рад [курсив мой. – А.З.]

Его духовное превосходство над судьями-коммунистами выражается в анти-тезе религиозных и антикоммунистических образов: «они» (коммунисты) – «дорожной пыли гады», их взгляды – «как алчущая утроба волчья», от них исходит «звериный смрад». У Георгия Семена «молния: *русский*, открытый взгляд!», его слово бьёт «гремящей гранатой»; и, хотя судьба его «смертельная», «стезя кровавая», он вещает бесстрашно:

... дело моё – Россия:
Подвиг и гибель. А вы кто такие?
Много ли Русских я вижу лиц?
Если и есть – опускают ниц
Взоры свои, тяжело дыша:
Русская с Русским всегда душа!

Фашистская партия становится для героя-страсготерпца «святым духом»:

Вот и картина *фашистских оргий*:
Пьянство, разгул... Семена Георгий
Словно проснулся, глаза дерзки,
Сами сжимаются кулаки,
Шепчет, всю душу в порыв влагая:
«Слышишь ли, Партия дорогая?..
Ты негодяем оскорблена».
Муки не вытерпит Семена!

И, словно веянье мощной силы,
Шёпот в ответ: «Я с тобою, милый!
Светлый мой мученик, я с тобой,
Я над тобою, мой голубой!..
Сердце скрепи: как бичом суровым,
Ты это стадо ударишь – словом!»

А Россия для него – это «святая земля»:

Тайной великой, святой, огромной
Связана Партия с подъярёмной
Нищей страной... Страна жива,
Шепчет молитвенные слова
И прокладывает в тиши ночей
Вас, негодяев и палачей!.. [курсив мой. – А.З.]²⁵.

Религия и культура

Дж. Стефан совершенно точно подмечает в самих «дозоровских» стихах стилистику (и, добавим, тактовиковую ритмику) агитационной советской лирики. Однако стилистика этих текстов переключается и с «динамитной лирикой» другой радикально настроенной поэтессы – Марианны Колосовой²⁶. Та, кстати, невысоко, отзывалась о фашистских «стишках» Несмелова, написанных от имени Николая Дозорова: «плохо стал писать Арсений Несмелов, раньше, когда он работал в советских газетах, он писал немножко ярче. [...] «Дозоровские стихи» совсем не годятся»²⁷. И, действительно – стихи, написанные под псевдонимом «Николай Дозоров», много уступают сугубо «несмеловским» текстам:

ЕДИНЕНЬЕ – новый лозунг,
Общий ФРОНТ – звучит девиз.
В победительные грозы
Новой молнией явись!

Будь, как факел, будь, как знамя,
Будь таким, как был всегда...
Ты ведь встанешь рядом с нами,
Русский мститель Коверда!

Наступает миг последний,
Грозный час уже настал,
И вызывает всё победней
Русских витязей сигнал!

(Подп. Н. Дозоров. «Борису Коверде»)²⁸.

Да – порой Дозоров в своих инвективах слишком прямолинеен. Очевидно, что лозунг «СЛАВА РОССИИ И ВФП!», рефреном звучащий в стихах и в поэме, не обладал сакрализованной притягательностью для широкой общественности, вдобавок – был труднопроизносим.

Но он находил своих читателей и поклонников – в первую очередь, в среде молодого поколения фашистов, не очень образованного, но желающего найти причину своих несчастий и своей бедности. Как видно, религиозно-радикальные идеи неотделимы в лиро-эпике Дозорова от антисемитских. Антиеврейская тема становится двигателем пропагандистской мысли Дозорова даже тогда, когда речь заходит совсем не об этом – например, о молодых поэтах-фашистах. Но Дозоров весьма умело использует этот антисемитский «козырь», начиная своё наставление так: «Если еврейский младенец обнаружит признаки музыкального слуха, его, едва он подрастёт, усаживают за инструмент, нанимают к нему учителей, семья не щадит затрат, – и через несколько лет в городе появляется очередной «вундеркинд»; если же еврейское чадо обнаружит склонность к рифмованию слов, – весь местный кагал вопит о «нашем гениальном ребёнке». Первые, самые трудные шаги начинающего облегчаются всемерно.

У нас, русских эмигрантов, вот так никогда не получается, хотя нашу ли славянскую одарённость сравнивать с легковесной еврейской даровитостью, их способностью к некоторым видам искусства! Мы скромные и мы бедные. Если русский подросток, или юноша, начинает пытаться складывать стихи, его, во-первых, в редкой семье не осмеют:

– Туда же... нашёлся поэт!

Во-вторых, ему заметят:

– Чем пустяками заниматься, лучше бы занялся делом. Работу бы себе нашёл, семье бы помогал, родителям!..

Первые шаги начинающего русского, эмигрантского поэта, если только он, случайно, не окажется в особо благоприятных условиях, – всегда очень тяжелы и в отношении окружающей среды: нет понимания, сочувствия, никто не даст указаний, – не отметит хорошее, не укажет на недостатки. Не до этого окружению: бедноте не до искусств.

И то, что могло расцвести, дать плод, – склонность русского эмигрантского юношества к художественному творчеству, – вянет, засыхает, и, наконец,

отваливается от ствола души, как ненужное. И так это происходит не только вообще в русской эмиграции, широко взятой, но и совсем рядом с нами: в нашей партийной среде»²⁹. А далее идёт детальный разбор поэзии ничем не примечательного лирика-фашиста Ивана Шурупова...

Будучи штатным пропагандистом, Дозоров советовал «начинающим поэтам»: «мысли и положения, выраженные Главой Партии в его стихах, – всё это прекрасные темы для стихотворений. Общих же мест надо избегать. Общие места мало говорят душе. Фашистский поэт должен бить в точку» (*Подп. Н. Д.*)³⁰.

Можно много рассуждать о том, что «Дозоров» – не Несмелов, что это всего лишь маска, стихи и другие-де опусы Дозорова не столь талантливы. Поэт, безусловно, понимал разницу между голой пропагандой и тем, что дарили «прикосновения» Музы. Были у Дозорова и более удачные стихи – те, что были построены не на голой идее, а на личных воспоминаниях, пропущены сквозь опыт раздумий поэта-добровольца Арсения Несмелова.

И тогда вступали в права любимые «несмеловские» пятистишия, которыми были написаны его лучшие стихотворения³⁰:

Есть правда тыла, где стоят обозы
И кухни под навесами дымят;
Есть правда прозябания и прозы,
И редко освещающие грозы
Над мирным засыпанием гремят.

Но есть иная правда. Лишь герою
Её глаза, её зовущий знак...
Есть правда шашки, обнажённой к бою,
В самозабвенном: «На врага, за мною!»
Кавалерийских огненных атак.
Свободно каждым делается выбор...
Под небесами отгремевших гроз.
Где падал конь, от пули вставший дыбом, –
Безмолвный, сонный поползёт обоз....

(«Две правды». *Подп. Н. Дозоров*)³¹.

Видимо, псевдоним «Дозоров» и аналогичный ему «Н. Д.», в отличие от многих других гетеронимов («Рахманов», «Бибииков», «Арсеньев»), использовались Несмеловым не ради денег. Точнее – не только ради денег (в них он нуждался постоянно, потому бессребреником не был). Из песни слов не выкинешь – Несмелов был по большей части искренним в своих тенденциозных произведениях. Другое дело – сама тема и личности, о которых писал поэт, не соответствовали масштабу его дарования.

Особенно проявлена его внутренняя убеждённость в поучениях молодым фашиствующим поэтам. Так, один незадачливый «лирик» применяет неудачный образ (по правде говоря, удачи в разбираемых стихах вообще найти трудно), и мэтр поправляет: «Выражение “словесная война” имеет специфическое значение. Так как это речение обычно употребляется в литературе, – оно означает нечто несерьёзное, даже комическое, что обычно противопоставляется подлинной войне, где льётся человеческая кровь. При словесной же войне льётся не кровь, а чернила, и ведут эту войну шелкопёры. <...> Уж было бы лучше, если бы автор снабдил слово война эпитетом *идейная* или *священная* и т.п., несколько изменив, конечно, и текст следующих строк»³³ [выделено мной – А.З.].

Илл. 6. А. Несмелов.
Фото из архива БРЭМ

Чуть ниже он продолжает свою поэтически-идеологическую работу:

«Во второй строфе того же стихотворения имеется два таких стиха:

К цели смело идём мы вперед,
Облачённые в светлые ризы.

Если *идём к цели*, то слово вперёд – лишнее. Направление движения уже указано. Отдавать фашистов в *ризy* тоже не следовало бы. Пусть бы автор оставил соратников в их прекрасных *штурмовках*. Было бы выразительнее»³⁴.

В 1937 г. «Дозоров» опубликует политический фарс (этиюд в 2-х действиях) на эту тему – «Привидение в партклубе». Действующими лицами в нём выступят весьма одиозные фигуры: Вайнштейн – начальник ГПУ³⁵ («говорит без еврейского акцента»; такое предупреждение для «господ-актёров» сделает автор); Залкинд – «типичный семит, комендант партклуба. Сильный акцент»; Кабан – телохранитель Вайнштейна и др. Противостоять коммунистам-евреям и их пособникам будут Стоюнин и Филатов – «фашисты, члены конспиративной организации»³⁶, а помогать молодым патриотам (в словоупотреблении фашистов, перенявших во многом советскую стилистику – «соратникам») – ночной сторож Силантий, бывший гвардеец, «похожий на Скобелева» (имеется в виду знаменитый героический генерал). Разумеется, «соратники» Стоюнин и Филатов побеждают невыносимых «семитов» и утверждают «Славу России» в отдельно взятом партклубе, то есть – достигают поставленной цели в своей террористической акции.

«Этиюд», несмотря на ходульные образы и фантастический финал, написан ярко, весело, бурлескно. В нём проявились все имеющиеся в арсенале у писателя запасы художественного остроумия. Например, комический эффект от игры словами или частями слов:

«ВАЙНШТЕЙН. Я вас дожидаю, товарищ Свистунов.

СВИСТУНОВ. До... жид... ай, ай, ай! С юдофобией слово»;

Или:

«СТЕПАНИДА. Даже удивительно! Что я его под юбку, что ли, спрятала?

Нужен он мне, пархатый...

ВАЙНШТЕЙН. Что?!

СТЕПАНИДА. Я говорю: не бархатный!»

Дозоров обращается и к сказовой манере, стилизуя «местечковый говор» ничтожного Залкинда:

«ЗАЛКИНД (дрожа всем телом). Я не верю в Бога, я не верю в чёрта. Я не верю даже товарищу Сталину. Я никому и ничему не верю. Я верю только в погром. И когда господин Хвощов в ночь под бывшее Рождество начинает визитировать в партклуб и развлекаться игрой на музыке, так я себе уже говорю: таки да, таки будет погром! Погром будет! Я уже чувствую с воздуха, как нас будут бить по шее. Почему? Потому, что я – Залкинд, потому, что я – Моисей Абрамович, потому, что я – комендант партклуба. Ах, Моисей, Моисей!.. И зачем тебе нужно было это дело? Член партии? Пхе! Что такое член партии? Я бы был себе в Харбине, я бы был себе в Тяньцзине! Я бы торговал себе с девочками, я бы торговал себе с белый товар. Я бы... (Шум приближающихся голосов). Вже идут. Что же мне делать? Кричать? Стрелять? Или спевать «Боже, Царя храни»? Ох! (Ползёт к столу и прячется под него)».

Антисемитская прокламационная направленность этиюда – не только в отталкивающих образах «жидов-коммунистов» Ванштейна и Залкинда, но и в репликах по отношению к ним других – русских – персонажей:

«СИЛАНТИЙ. И скушно мне с вами. Тошно! Чего вы с Рассеей-то исделали? Ведь праздник наступил. Рождество Христово. А вы... А у вас. (Безнадёжно машет рукой). Жид на жиде. Жид русского погоняет. Видано ли? Слыхано ли?».

Если Колосова свои радикальные настроения выражала словом «чёрным да зловещим», образами брутальными и садическими, то Несмелов-Дозоров был более разнообразен в жанровом отношении: в его арсенале и комика, и лирика, и пропедевтика. Но Несмелов, как и Колосова, оперирует радикальной риторикой с религиозным содержанием. Это и обращение к рождественской топике в «Привидении в партклубе», и образы «русских витязей» (Каппель, Коверда, Семёна и др.). Православно-националистическую лексику включает он и в свои «педагогические» высказывания:

«Во имя спасения Родины, освобождения её от красных узурпаторов и во имя проведения в жизнь нашего лозунга “Русский Русскому брат” – мы, именно, стремимся к победе, к власти, и эта власть, конечно, земная, но освящённая Богом, ибо идеал наш – христианский»³⁷.

1937 год в истории советского народа начинает отсчёт новый виток сталинских репрессий. Грянула эпоха Большого террора. В этом же году начинается широкомасштабное вторжение Японии в Китай, так называемый «китайский инцидент». Руководство ВФП реагирует на веяния времени в духе «трёх А». В 1936 г. опубликована брошюра В.Н. Данилова, одобренная главой ВФП Родзаевским, – «Что такое Протоколы сионских мудрецов»³⁸. В 20-е гг. это сочинение-мистификация вновь стало волновать воображение разнообразных деятелей правого толка, и вполне закономерно его популярность в кругах эмиграции. Русские фашисты решили вернуться к реанимации идеи подлинности книги совершенно с практическими целями – желая доказать своим апологетам угрозу со стороны всемирных жидомасонов³⁹.

В брошюре Данилова «Протоколы» рассматриваются как «исчерпывающая программа подпольной деятельности международного еврейства по разложению и уничтожению всех нееврейских государств и обществ в целях воцарения Израиля и захвата власти над миром».

В 1937 г. уже в Харбине выходит ещё одна брошюра – «История еврейского штурма России»⁴⁰ Н.Е. Маркова, посвящённая теперь теории коммунистического еврейского заговора, столь популярной в правых националистических кругах эмиграции, и вновь истории скандально известных «Протоколов сионских мудрецов».

Итак, антисемитская идея в риторике фашистов соединяется с идеей радикально-национальной и религиозной. И если Колосова апеллировала к фольклору и народной православной стихии, то Несмелов возводит в ранг *святого* литературные национальные символы.

1937 г. – ещё и год празднования столетия со дня гибели русского гения Пушкина: в эмиграции и метрополии, в восточной и западной ветви зарубежья. И советская, и эмигрантская критика пытаются поставить имя Пушкина на службу обострившейся идеологической борьбе⁴¹. В эмиграции Пушкин из категории «наследства» попадает в разряд «современников».

Для эмигрантов, выросших на дореволюционном образе Пушкина, новое его прочтение стало средством личного выживания, личной связи с культурой. Наступает время и нового прочтения пушкинской поэзии. Вслед за парижскими собратьями в Харбине при БРЭМ создаётся Центральный Пушкинский Комитет, а в русском Китае выходит целая серия публикаций, посвящённых Пушкину, его окружению и его новому звучанию в эмиграции.

Харбинские фашисты активно откликаются на юбилей русского гения⁴². Председателем Пушкинского Комитета становится уже упомянутый профессор Н.К. Гинс. 1 марта 1937 г. выступает на Юридическом факультете с речью «А.С. Пушкин. Русская национальная гордость». И самым первым из «соратников» обращается к Пушкину Арсений Несмелов, делая его религиозным знаменем русского ... фашизма в статье «Пушкин и нация»⁴³.

Статью в журнале «Нация» предваряла идеологически заряженная редакционная реплика: «Мы, Русские фашисты, трагическую гибель Пушкина рассматриваем, как результат борьбы национальных Русских сил с силами, чуждыми России, торгшимися в неё извне. Среди последних едва ли не первенствующее значение надо признать за силами масонскими, пытавшимися сначала овладеть душой национального Русского гения и затем, потерпев неудачу, дерзнувшими на страшное преступление. И наше утверждение не голословно: не напрасно же всякий раз, когда жидомасоны пытались причинить вред нашей Родине, они всегда первые свои удары делали по Пушкину, пытаясь развенчать его, обесславить. Этот момент и указан прекрасно в статье соратника А. Несмелова» [курсив мой. – А.З.].

«Соратник Несмелов» (автор публикуется под своим именем, и это характерно) поступательно развивает эти тезисы. Враги России (разумеется, жидокоммунисты) мечтают «обезбожить» нацию посредством «магических манипуляций» – отнять у русских имя Пушкина:

Религия и культура

«Всегда, когда антинациональные силы поднимали, или пытались поднять, голову в надежде вредить России, – они первые свои удары всегда направляли против Пушкина. <...> Вспомним писаревско-нигилистскую эпоху, вспомним предреволюционных Бурлюков и Крученных, начертавших на своих тряпках-знамёнах курьёзный лозунг:

– Долой Пушкина с парохода современности!⁴⁴

Но солнце гения сожгло их, как и самый их пароходик. Пришла советчина и тоже атаковала Пушкина. Он головою был выдан на расправу Крупской: пусть почивает и вымирает неподходящее. Но и Крупской с наркомпросом⁴⁵ Пушкин оказался не по зубам. У страны, обессиленной, обворованной, залитой кровью и нечистотами, оставалось одно солнце – Пушкин. И страна Пушкина не отдала. *Страна сберегла Пушкина, его томики дореволюционных изданий, как гугеноты, сжигаемые на кострах инквизицией за хранение Библий, берегли эту книгу.*

И советчина спасовала: там, за рубежом, судя по газетам, тоже собираются отмечать великую дату, и готовятся к этому. Но не насмешкой ли будут “Пушкинские торжества”, торжества в честь русского национального гения в стране, где власть топчет всё национальное и издевается над ним. Бессмертная душа Пушкина будет не “там”, а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений».

И советчина спасовала: там, за рубежом, судя по газетам, тоже собираются отмечать великую дату, и готовятся к этому. Но не насмешкой ли будут “Пушкинские торжества”, торжества в честь русского национального гения в стране, где власть топчет всё национальное и издевается над ним. Бессмертная душа Пушкина будет не “там”, а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений.

В этом же году появится ещё одно любопытное с точки зрения русского радикального национализма произведение – рассказ «Мудрый Соломон» Николая Байкова, вошедший в его сборник «По белу свету» (1937)⁴⁶. В художественном целом сборника появление этого рассказа, с одной стороны, логически оправдано: тематической основой сщепления отдельных сюжетов становятся странствия автобиографического рассказчика, вызванные тектоническими сотрясениями основ мирной русской жизни. Начало им положено событиями Первой мировой войны, а затем – революция, Гражданская война, последующие странствия бывшего офицера «по белу свету». Переключка названия с известными очерками любимого Байковым А.В. Елисеева также заслуживает внимания: писатель-этнограф XIX в. странствовал, движимый своей научной миссией. Век XX сделал писателя Байкова путешественником поневоле. Из этого путешествия он еле вернулся живым, однако дух русского учёного оказался не сломлен.

Илл. 7. Н.А. Байков
в Черкесске

Пространственно-временные координаты «Мудрого Соломона» характеризуют середину мытарств русского офицера. В нём описываются события в Киеве 1918 г., когда город после долгих политических метаморфоз был временно взят западной группой Добровольческой Армии: «Кого только не видел этот красавец-город в своих стенах за это “смутное” время! Здесь побывали и самостийники-петлюровцы, и гетманцы, и чехословаки, и гайдамаки, и большевики два раза. Все они похозяйничали здесь и оставили после себя у весёлых киевлян невесёлые воспоминания»⁴⁷.

Наш герой-рассказчик (прямой alter ego писателя) как раз и оказывается на улицах родного города в период «избавления», он воодушевлён вместе со всеми: «Киевляне ликовали и встречали “Белых” криками “Ура!” и пением национального гимна.

Молодёжь и женщины забросали цветами Белые войска, вступавшие в город.

Ликование было общее искреннее. Многие плакали от умиления и беспредельной радости»⁴⁸.

«Всматриваясь в лица офицеров и солдат, я видел в них какую-то особенную одухотворённость, граничащую с энтузиазмом.

Всё это была молодёжь, безусая и безбородая.

Сразу было видно, что это цвет нашей интеллигенции, вставшей на защиту родины. В большинстве случаев это были студенты и гимназисты, ушедшие добровольцами в “Белую армию” прямо со школьной скамьи. Недаром же вся армия назвалась “Добровольческой”.

Я с удовольствием смотрел на весёлых киевлян, спянных патриотическим подъёмом с армией “освободителей”.

“Вперёд! На Москву” – кричала молодёжь, качая на руках юных добровольцев и вручая им заранее заготовленные флаги»⁴⁹.

Ура-патриотическое настроение экспозиции рассказа сменяет часть, ради которой, собственно говоря, и были все эти авторские пассажи.

Это – монолог Соломона Б., известного киевского адвоката, который сам подходит к своему школьному товарищу и увлекает его в кафе для беседы.

Разговор происходит в обстановке интригующей – Соломон приступает к нему, «заперев плотно дверь и опустив портьеру», говорит «полушёпотом», сразу предупреждая – всё, «что я тебе скажу, пока тайна <...> События, о которых ты не имеешь понятия, назревают!»

Он «пророчествует»: «Белая Армия движется на Москву, но Москвы им не взять. Очень скоро большевики займут всю Россию. Почти вся наша еврейская молодёжь состоит в коммунистической партии, куда она пошла сознательно, из политических и тактических соображений. Коммунизм и большевизм – всё это только показная театральная декорация для зрителей; за кулисами её скрыта реальная, но тайная сила. Капитал заключил союз с масонством и коммунизмом и объявил войну национализму и христианству, то есть тем началам, которые мешают ему овладеть миром. Почти все войны последнего времени были организованы этой мировой силой, которая была сразу двух зайцев, имела колоссальные барыши и расшатывала государственные устои многих стран»⁵⁰.

Эта «мировая сила», «шайка международных спекулянтов», свалив успешно «три самые сильные мировые монархии: Россию, Германию и Австрию», «набив себе карманы», развивает «свой план будущего»: «Русский народ по своим физическим и духовным качествам как нельзя более подходит для всяких экспериментов коммунизации, но для этого его надо обескровить и лишит мозга»⁵¹, «с этой целью <...> большевики уничтожают элиту, мыслящий класс, то есть интеллигенцию. С остальным народом, как поляки говорят – “быдлом”, они потом справятся уже легко посредством испытанных и исторически проверенных приёмов в виде террора, морального разложения, голода, физического развала и невежества»⁵².

«Эта дьявольская система основана на самых точных и рациональных научных началах. Ленин, Троцкий и вся эта тёплая компания будут проводить только то, что угодно мировым хищникам. Они являются исполнителями чужой воли, воли анонимного общества, имя которому – «Золотой Телец». Ему поклоняется теперь весь мир. У ног его Сатана справляет свой бал!»⁵³.

Зачем еврей Соломон посвящает русака-офицера в эти масонские тайны? Он считает это необходимым сделать, «как друг и однокашник» и как человек, который не может «примкнуть к этой шайке палачей»⁵⁴.

Кульминационный момент сюжетной линии (развитие которой составляет нанизываемая Соломоном аргументация теории «мирового заговора») – зрелище пленных красных матросов: «Всё это были огромные здоровые люди, в форме матросов гвардейского экипажа, только вместо георгиевских ленточек на бескозырках у них развевались алые ленты, цвета свежей крови.

Всматриваясь в их лица, я не заметил в них ничего человеческого. Как на подбор, все они отличались зверским выражением и животной тупостью. Их широкие волосатые груди были открыты, и у многих сверкали дорогие кулоны, снятые, вероятно, с замученных ими интеллигентных женщин. Они нагло и дерзко смотрели на толпу и перекидывались между собой грубыми циничными замечаниями»⁵⁵.

Развязка рассказа – финальный комментарий Соломона:

«Ты думаешь, их ждёт расстрел? Ничего подобного! Их помилуют ваши русские слюняки, несмотря на то, что они, без сомнения, являются палачами русского народа. <...> Они, наверно, презирают своих врагов за их гуманное отношение и человечность. Попадись только к ним в лапы, они, конечно, не помилуют. С живого шкуру сдерут. Это им нипочём. Вы, русские, вообще мягкотелые, и это в конце концов вас погубит. <...> Горе русскому народу, если он не бросит пагубную привычку “непротивления злу”. Эта тенденция по существу противна христианству».

С точки зрения «беллетристичности» (в сопоставлении с предыдущими повествованиями сборника о Первой мировой, о встрече с гуцульскими колдуньями, о том, как спас героя клык Великого Вана) рассказ «Мудрый Соломон не выдерживает никакой критики. Это – откровенная прокламация, в которой нет ни психологизма, ни фабулы, само начало уже словно воссоздаёт стилистику политического памфлета однозначного толка: революция определяется как «кошмарная вакханалия разрушения самых основ Российской государственности», а далее наступает время, когда «орава беспринципных проходимцев международного и местного производства, играя на дикости и невежестве народных масс, разоряла страну, превращая её в арену гражданской войны, со всеми её ужасами, злодействами и зверскими жестокостями».

Но в этой публицистичности и была, очевидно, авторская установка. Не случайно роль резонера отведена еврею – старому другу рассказчика, но «чужому» по отношению и к русской культуре, и русскому сознанию, и к православию. В страстной речи Соломона звучат те слова и те мысли, которые русскому человеку было выражать не просто неприлично – не допустимо. Потому-то именно еврей Соломон «открывает глаза» своему русскому визави на страшный заговор евреев против России. Оттого столь силён и действен эффект соломоновой «мудрости». Всё сказанное в речи Соломона и подкреплённое живыми впечатлениями рассказчика звучит, как будто действие происходит в «наши дни», это – не воспоминание, а «зарисовка с натуры»: «Мы обменялись дружеским рукопожатием и расстались»⁵⁶.

Что же это за рассказ? Как объяснить его появление в прозе натуралиста Байкова? Байков был монархистом. Советскую власть он не принял, в 1918 г. переехал на юг и воевал против красных в Добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга (1918–1919). В эмиграции Байков стал не просто отчаянным приверженцем монархической идеи – он всецело положился на роль Японии и Маньчжоу-го в «священной войне» против «Красного Сатаны», сотрудничал с фашистами⁵⁷. И ему также весьма импонировала фашистская теория жидомасонского заговора⁵⁸. В этом же году Байков напишет стихотворение «Врагам России», где будет воспета «Русь державная» «под сенью гордого двуглавого орла».

Японцы и фашисты поддерживали самых талантливых писателей, понимая прекрасно, что только настоящий дар может стать настоящим оружием в идеологической борьбе. А насколько были искренни писатели-радикалы? Настолько, насколько националистические и религиозно-радикальные настроения отвечали их личным ощущениям и их пониманию того, как следует «обустраивать Россию». Показательным примером является история публикации откровенно тенденциозных сборников «Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го», устроенной марионеточной администрацией Маньчжоу-го. В первый, состоящий из 20 участников (японских, маньчжурских и китайских), вошли и два русских рассказа – Бориса Юльского «Обрыв» и Арсения Несмелова «Кровавый след на снегу». Стремление инициаторов сформировать «новое народное сознание», в конечном итоге приводящее к «новой общности» народов Азии, не оказалось поддержанным русскими авторами. Оба рассказа были посвящены русской жизни, события их происходят в России и не имеют «никакого отношения к “строительству” нового “царства гармонии”»⁵⁹. Снискав недовольство «соцзаказчика», русские писатели уже во втором сборнике (теперь уже Б. Юльский в рассказе «Конец Мирона Шибанова» и Н. Байков в рассказе «В отрогах Лао-Лина») вновь проявили свои «старые привычки и старое художественное воспитание»⁶⁰.

Н.А. Байков искренне любил Японию, её утончённую культуру, поддерживал марионеточный режим Маньчжоу-го, в 1942 г. даже ездил в Японию на

съезд ангажированных режимом литераторов. А воспел в своих текстах маньчжурский Шу-Хай, в образах которого, как пишет Ким Рехо, видел всё те же сибирские просторы⁶¹.

Илл. 8. Торжественный ужин ВФП и их японских руководителей

А.И. Несмелов весьма уважал японцев, опыт сотрудничества с ними имел ещё с Владивостока; долгие годы он работал с родзаевцами, с начала 40-х гг. был пропагандистом в японской разведывательной школе, а рассказ на конкурс послал – про Россию и свою юность. Над радикально-религиозной экзальтацией Колосовой все подтрунивали – а она разорвала с партией Родзаевского только потому, что почувствовала в ней меркантильные начала, и голодала, бедствовала, но писать о России не прекращала. Бориса Юльского японцы спасли от засасывающей наркомании – отправили его служить в Лесную полицию, а он всё равно писал о Китае, драконах и русских детях. Так, в принципе, провалился культурный, хорошо профинансированный, проект японцев под названием «Литература Маньчжоу-го».

Что было делать с этими русскими? «Такова натура славянина», «с которым можно завоевать полмира», – писал Николай Байков в 10-е гг. в своих первых рассказах и повторял эту фразу в 40-е, имея в виду непредсказуемость русского характера, в котором удивительная доверчивость сочетается с непостижимой цельностью и национальным консерватизмом. Даже увлечшись уже готовой идеей европейского национального радикализма, русские националисты-радикалы на сопках Маньчжурии переиначили её на свой, русский, лад, переосмыслили в духе русского патриотизма, в духе служения «святой Руси» в особом фронтирном понимании.

Библиографический список

1. Будницкий, О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология / О.В. Будницкий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
2. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х т. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 350 с.
3. Забияко, А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба...» / А.А. Забияко // Николай Щеголев. Победное отчаянье / Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый; послесл. А.А. Забияко (Научное издание). – М.: Водолей, 2014. – С. 3–57.

4. Забияко, А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 158–152.
5. Забияко, А.П. Религия и этнос / А.П. Забияко // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 909.
6. Забияко, А.П. Религиозная идентичность / А.П. Забияко // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 863.
7. Забияко, А.П. Религия и насилие: пластичность религии вплоть до состояния пласта / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 153–165.
8. Забияко, А.А. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: монография / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2009.
9. Несмелов А. – П. Балакшину. 3 декабря 1936. Харбин // Из переписки Петра Балакшина с Арсением Несмеловым. – Россияне в Азии. – 1995. – № 2. – С. 65–84.
10. Несмелов, А. Собрание сочинений: В 2 т. / А. Несмелов. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. – Т. 1.
11. Стефан, Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945 / Дж. Стефан. – М.: Издательство Советско-Британского совместного предприятия «Слово», 1992. – 440 с.

¹ Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121; № 3. С. 156–177; Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и права и международных отношений. 1999. № 2; Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. 2013. № 1. С. 158–152.

² Одно из серьёзных исследований, переведённых на русский язык: Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992.

³ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000.

⁴ Дж. Стефан. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 49–50.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 78–79.

⁷ Об этом, например: Иванов В.Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935.

⁸ Дж. Стефан. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 68.

⁹ Подробно о судьбе Н. Щеголева: Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба...» // Николай Щеголев. Победное отчаянье / Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый; послесл. А.А. Забияко. М., 2014.

¹⁰ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 8 // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета.

¹¹ Там же.

¹² Очевидно, что в виду имеется журнал «Рубеж» и Наталия Резникова, племянница владельца этого журнала, Е.С. Кауфмана.

¹³ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962). Л. 11 // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета.

¹⁴ Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 103–112; Белый Г. Дело Каспе: Обзор литературы // Бюллетень ИгудИюцейСин. № 405. 2011. С. 38–45.

¹⁵ Об этом: Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. 2013. № 1. С. 158–152.

¹⁶ Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 95.

¹⁷ О Гранине и его творчестве подробно: Забияко А.А. «Пусть ничего и не было на свете...»: Георгий Гранин // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...». Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. С. 305–329.

¹⁸ Дело Юльского Б.М. // БРЭМ. № СО–2 / 2047. Л. 4–5.

¹⁹ Дело Юльского Б.М. // БРЭМ. № СО–2 / 2047. Л. 12.

²⁰ Бужков А. Русский поэт и фашист. Вырванные страницы из биографии Арсения Несмелова // Владивосток. 3 марта 1994 г.

²¹ Дело Митропольского А.И. // БРЭМ. Ф. 830. Оп. 3. Д. 143. 4 л.

²² Несмелов А. – П. Балакшину. 3 декабря 1936. Харбин // Из переписки Петра Балакшина с Арсением Несмеловым. Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 65–84.

²³ Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 64.

²⁴ Георгий Семена – фигура реальная, боевик из отряда Косьмина, схваченный советскими пограничниками во время выполнения диверсионного задания. История суда над ним, додуманная и воспетая «Николаем Дозоровым», должна была вдохновить фашистскую молодёжь на дальнейшие подвиги.

²⁵ Дозоров Н. (Несмелов А.). Георгий Семена // Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 1. С. 494.

²⁶ Об этом: Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. 2013. № 1. С. 158–152.

²⁷ Колосова М. «Их» желтый путь // Новый путь. 1936. 6 июня. № 208.

²⁸ Нация. 1937. № ?. С. 27–28.

²⁹ Дозоров Н. Наши молодые поэты // Нация. 1936. № 11. С. 43–46. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015. С. 325.

³⁰ Нация. 1937. № 1. С. 39–41.

³¹ О версификационном мастерстве А. Несмелова: Забияко А.А. «Сердце жаждет поединка...»: Арсений Несмелов // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы». Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008.

³² Нация. 1936. № 11. С. 41.

³³ Дозоров Н. Наши молодые поэты // Нация. 1936. № 11. С. 43–46. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015.

³⁴ Там же.

³⁵ ГПУ – Государственное политическое управление; спецслужба в РСФСР в 1922–1923 гг., преемник ВЧК и предшественник ОГПУ.

³⁶ Дозоров Н. Привидение в партерном (эпюд в 2-х действиях) // Нация. 1937. № 3. С. 33–40. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015. С. 312.

³⁷ Дозоров Н. Наши молодые поэты // Нация. 1936. № 11. С. 43–46. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015.

³⁸ Данилов В.Н. Что такое Протоколы сионских мудрецов. Шанхай, 1936. 17 с. Протоколы сионских мудрецов – сфальсифицированный сборник текстов о вымышленном всемирном заговоре евреев. В тексте излагаются планы завоевания евреями мирового господства, внедрения в структуры управления государствами, взятия неевреев под контроль, искоренения прочих религий. «Протоколы сионских мудрецов» играют важную роль в теории жидомасонского заговора. За свою историю существования (с середины XIX в.) «Протоколы» переиздавались многомиллионными тиражами и были переведены на многие языки мира. В России первый вариант «Протоколов» появился в 1903 г. в журнале «Знамя».

³⁹ Так, на процессе, который проходил в Берне в октябре 1934 и мае 1935, было проведено расследование происхождения «Протоколов». Процесс вызвал огромный интерес во всём мире, на нём присутствовали многочисленные журналисты. В качестве свидетелей вызывались, в числе прочих, русские эмигранты, имевшие в конце XIX в. контакты с работниками парижского бюро русского Охранного отделения. Несмотря на то, что суд своим решением признал, что «Протоколы» являются фальсификацией и плагиатом, и, таким образом, это произведение подпадало под действие Бернского закона о «непристойной литературе», неточность трактовки слова «непристойный» Бернским судом привело к тому, что приговор был частично отменён апелляционным судом в Цюрихе в ноябре 1937.

⁴⁰ Марков Н.Е. История еврейского штурма России. Харбин, 1937. (Марков Николай Евгеньевич (1866–1945) – политический деятель правого толка, один из лидеров черносотенцев, радикальный антисемит. С 1910 г. председатель главного совета Союза Русского Народа. После революции 1917 г. – участник Белого движения. С 1920-х гг. находился в эмиграции, продолжив политическую деятельность в православно-монархическом русле. Выступал сторонником фашистских политических режимов. Сотрудничал с властью в Третьем Рейхе. Поддержал последних в их плане вторжения на СССР, после чего во многом отошёл от активной политической деятельности, при этом продолжив публиковать статьи антисемитского содержания).

⁴¹ В частности, А.В. Луначарский издаёт целый цикл работ о Пушкине, не остаются в стороне и другие политические и культурные деятели.

⁴² Назов И. На юбилей Пушкина. Стихи // Наш Путь. 1937. № 37; <Б.п.> Пушкин и современность // Наш Путь. 1937. № 37; Родзаевский К. Пушкин // Наш Путь. 1937. № 37.

⁴³ Несмелов А. Пушкин и нация // Нация. 1937. № 1. С. 8–11. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 2. Поэзия. Публицистика. Критика. Письма. Воспоминания / Сост. и комм. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015. С. 335.

⁴⁴ «Долой Пушкина с парохода современности!» – лозунг из манифеста русских футуристов «Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства» (1912), написанного поэтами Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым.

⁴⁵ Наркомпрос (народный комиссар просвещения) – имеется в виду А.В. Луначарский (1875–1933) – революционер, соратник Ленина, первый народный комиссар просвещения в Советской республике (1917–1929). Автор многочисленных статей о творчестве А.С. Пушкина, инициатор и редактор издания полного собрания сочинений Пушкина.

⁴⁶ Байков Н.А. По белу свету // Байков Н.А. Тайга шумит; По белу свету; У костра; Сказочная быль: очерки и рассказы. Владивосток, 2012. С. 118.

⁴⁷ Там же. С. 167.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 168.

⁵⁰ Там же. С. 169.

⁵¹ Там же. С. 170.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 171.

⁵⁵ Там же. С. 171–172.

⁵⁶ Там же. С. 172.

⁵⁷ Сообщение о нападении гитлеровской Германии на СССР Николай Байков принял вполне однозначно. В марте 1941 г. он писал: «Рассвет уже близок! Тьма рассеивается! Вся российская эмиграция ждёт с нетерпением... когда Германия приступит к ликвидации коммунизма и восстановлению национальной России. Мы ждём двадцать три года – подождём ещё немного». А в ноябре следующего года в составе делегации из шести писателей, представлявших литературу Маньчжоу-го, Байков отправился в Японию, союзницу Гитлера по «оси Берлин–Рим–Токио», на съезд писателей «великой Восточной Азии». С течением войны взгляды Николая Аполлоновича кардинально изменились: он радовался победе Красной армии под Сталинградом, введению Сталиным царских «золотых» погон, награждению высокими государственными наградами представителей православного духовенства.

⁵⁸ Например, в Харбине было популярно следующее издание: Фест Г. Большевизм и еврейство. Рига, 1935.

⁵⁹ Об этом: Рехо К. Байков // Литература русского зарубежья (1917–1940): Материалы и библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 270–297.

⁶⁰ Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го. Токио, 1942. Т. 1. С. 10.

⁶¹ Рехо К. Байков // Литература русского зарубежья (1917–1940): Материалы и библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 270–297.

References

1. Mel'nikov Yu. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 1991, no. 2, pp. 109–121.
2. Mel'nikov Yu. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 1991, no. 3, pp. 156–177.
3. Ablova N.E. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i prava i mezhdunarodnykh otnoшений* [Belorussian Journal for International Law and Foreign Affairs]. 1999, no. 2.
4. Zabiako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 1, pp. 158–152.
5. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992.
6. Budnitskiy O.V. *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya* [Terrorism of the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, and Psychology]. Moscow, 2000.
7. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, pp. 49–50.
8. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, p. 50.
9. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, pp. 78–79.
10. Ivanov V.F. *Pravoslavnyy mir i masonstvo* [Orthodox World and Masonry]. Harbin, 1935.
11. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, p. 68.
12. Zabiako A.A., Rezvyi V.A. *Nikolay Shchegolev. Pobednoe otchayan'e* [Nikolay Shchegolev. Triumphant Despair]. Moscow, 2014.
13. Shchegolev N.A. *Tetrad' № 1. Rukopis' chernovika romana «Perekrestok» (1957–1962)* [Notebook no. 1. Handwritten draft of “The Intersection” (1957–1962)]. Blagoveshchensk, Center for the Far Eastern Emigration of the Amur State University, fol. 8.
14. Shchegolev N.A. *Tetrad' № 1. Rukopis' chernovika romana «Perekrestok» (1957–1962)* [Notebook no. 1. Handwritten draft of “The Intersection” (1957–1962)]. Blagoveshchensk, Center for the Far Eastern Emigration of the Amur State University, fol. 8.
15. Shchegolev N.A. *Tetrad' № 1. Rukopis' chernovika romana «Perekrestok» (1957–1962)* [Notebook no. 1. Handwritten draft of “The Intersection” (1957–1962)]. Blagoveshchensk, Center for the Far Eastern Emigration of the Amur State University, fol. 11.
16. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, pp. 103–112.
17. Bely G. *Byulleten' Igud Iotsey Sin* [Bulletin Igud Yotzei Sin]. 2011, no. 5, pp. 38–45.
18. Zabiako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 1, pp. 158–152.
19. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, p. 95.

20. Zabyako A.A., Efendiyeva G.V. «*Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...*» (*Hudozhestvenny mir liriki russkogo Harbina): Monografiya* ["A Quarter of a Century of Refugee Fate..."] (The Artistic World of the Russian Harbin Lyrics): Monograph]. Blagoveshchensk, Amursky gosudarstvenny universitet, 2008, pp. 305–329.
21. *Byuro po delam rossijskikh emigrantov v manchzhurskoj imperii* [The Bureau of the Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. File SO–2 / 2047, fols. 4–5.
22. *Byuro po delam rossijskikh emigrantov v manchzhurskoj imperii* [The Bureau of the Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. File SO–2 / 2047, fol. 12.
23. Buyakov A. *Russkij poet i fashist. Vyrvannye stranitsy iz biografii Arseniya Nesmelova* [Russian Poet and Fascist. Torn Pages from Arseny Nesmelov's Biography]. Vladivostok. March 3, 1994.
24. *Byuro po delam rossijskikh emigrantov v manchzhurskoj imperii* [The Bureau of the Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. Fund 830, inventory 3, file 143, fol. 4 l.
25. *Rossiyanе v Azii* [Russians in Asia]. 1995, no. 2, pp. 65–84.
26. Stefan J. *Russkie fashisty: Tragediya i fars v emigratsii 1925–1945* [Russian Fascists: The Tragedy and Farce of the Emigration in 1925–1945]. Moscow, 1992, p. 64.
27. Nesmelov A. *Sobranie sochineniy: V 2 t* [Collected Works in 2 Volumes]. Vladivostok, 2006, vol. 1, p. 494.
28. Zabyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 1, pp. 158–152.
29. Kolosova M. *Novyy put'* [New Way]. June 6, 1936, no. 208.
30. *Natsiya* [Nation]. 1937, pp. 27–28.
31. Dozorov N. *Natsiya* [Nation]. 1936, no. 11, pp. 43–46.
32. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015, p. 325.
33. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 1, pp. 39–41.
34. Zabyako A.A., Efendiyeva G.V. «*Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...*» (*Hudozhestvenny mir liriki russkogo Harbina): Monografiya* ["A Quarter of a Century of Refugee Fate..."] (The Artistic World of the Russian Harbin Lyrics): Monograph]. Blagoveshchensk, Amursky gosudarstvenny universitet, 2008.
35. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 11, p. 41.
36. Dozorov N. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 11, pp. 43–46.
37. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015.
38. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015.
39. Dozorov N. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 3, pp. 33–40.
40. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015, p. 312.
41. Dozorov N. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 11, pp. 43–46.
42. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015.
43. Danilov V.N. *Chto takoe Protokoly sionskikh mudretsov* [What Protocols of the Elders of Zion Mean]. Shanhay, 1936, 17 p.
44. Markov N.E. *Istoriya evreyskogo shturma Rossii* [The History of the Jewish Attack on Russia]. Harbin, 1937.
45. Nazov I. *Nash Put'* [Our Way]. 1937, no. 37.
46. *Nash Put'* [Our Way]. 1937, no. 37.
47. Rodzaevskiy K. *Nash Put'* [Our Way]. 1937, no. 37.
48. Nesmelov A. *Natsiya* [Nation]. 1937, no. 1, pp. 8–11.
49. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii. T. 2. Poeziya. Publitsistika. Kritika. Pis'ma. Vospominaniya* [In the Artistic World of Harbin Writers. Arseniy Nesmelov: Materials of the Performers' Resume. Vol. 2. Poetry. Journalism. Critics. Letters. Memories]. Ed. by A.A. Zabyako, V.A. Rezvyi, G.V. Efendieva, I.A. Dyabkin. Blagoveshchensk, 2015, p. 335.
50. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 118.

51. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 167.
52. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 167.
53. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 168.
54. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 169.
55. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 170.
56. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 170.
57. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 170.
58. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 171.
59. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, pp. 171–172.
60. Baykov N.A. *Tayga shumit. Po belu svetu. U kostra. Skazochnaya byl': ocherki i rasskazy* [The Taiga Rustles. Roaming the World. By the Campfire. Fantastic Story: Essays and Short Stories]. Vladivostok, 2012, p. 172.
61. Fest G. *Bol'shevizm i evreystvo* [Bolshevism and Jewry]. Riga, 1935.
62. Rekho K. *Literatura russkogo zarubezh'ya (1917–1940): Materialy i bibliografii* [Literature of the Russian Abroad (1917–1940): Materials and Bibliographies] Ed. by K.D. Muratova. Saint Petersburg, 1993, pp. 270–297.
63. *Izbrannye proizvedeniya pisateley narodov Man'chzhou-go* [Selected Works of Writers of the Peoples of Manchukuo]. Tokyo, 1942, vol. 1, p. 10.